были богато одарены царем и отпущены на Дон, а есаул Федор Порошин, видимо автор повести, был сослан в Сибирь.[1]

После этого краткого анализа идейного содержания „речей" повести, минуя интересный рассказ о самом ходе боевых действий, мы можем обратиться к рассмотрению заключительной части произведения, открывшейся нам по списку Тх. 5. Мы оставили выше цитацию этого списка в том месте, где оборвался список У и где казаки начинают свое насмешливое письмо к туркам в ответ на их предложение сдать Азов за выкуп. Вернемся немного назад. Казаки уже измучены непосильной осадой до последней крайности, у них уже „от истомы" и язык „во устах... не воротится". Помолившись в последний раз „своему помощнику Предтечеву образу", они расплакались и с горечью спросили Предтечу и Николу: „Али мы вас свѣтов прогнѣвали чѣм, что опять хощете итти в руки бусурманския?" (У, 112). Это вопрос критический. Документ свидетельствует, что еще незадолго до начала осады приехавшие в Москву казаки прямо заявляли в Посольском приказе в своих „распросных речах", что они „большую надежду имеют, и веру держат Предтече Иванну, святый де Иванн Предотеча упросит у Христа бога Азов город соблюсти и дому своего в бусурманские поганые руки не отдаст".[2]

Казаки и не думают о сдаче, они обращаются к родине, людям и окружающей природе с изумительным по своему лиризму и поэтическому совершенству последним прощанием. Они уже видят „от турок... смерть свою лютую". И вот теперь, в эту страшную минуту оправдает ли себя их неуклонная вера в правоту своей борьбы за „исконно христианский" город, за „дом" их небесного „помощника"? Ответ на этот решающий, как им кажется, вопрос дается всем содержанием конца повести.

Отклоняя в ответном письме предложения о выкупе Азова, казаки приводят свою излюбленную мысль: „не дорого намъ ваше сребро и злато", дорога „слава вечная". Они напоминают далее о своей первой „речи" и с гордостью говорят: „Сперва мы сказали вам — дадимъ мы вам про себя знат и ведат паметно навѣки во все ваши краи бусурманские, чтобы вамъ было сказат, пришедъ от нас, за моремъ царю своему турскому глупому, каково приступат х казаку рускому". Письмо оживляется интересным сравнением: „А сколко у нас в Азове граде розбили кирпичю и камени, и столко уже взяли мы у вас турских голов ваших за порчю азовскую. В головах уже да в костях ваших складемъ Азов город лутче прежнего" (л. 41). Подобные мотивы, связанные, может быть, с мотивом древних легенд о постройке города на крови,[3] были типичны для казаков. Ср. слова турок в Исторической повести: „Сколко де в Азове в стенахъ камения, и столко де ваших голов казачихъ

---

[1] См. подробнее об этом в нашей указанной печатающейся статье.

[2] Донские дела, кн. II, стб. 125.

[3] Ср., например, Повесть о начале Москвы: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва Изд. МГУ, М., 1947, стр. 210.